

ВОСПОМИНАНИЯ

● Штрихи к портрету

Анна Станкевич родилась в Гомеле и здесь провела почти всю свою жизнь.

«Конечно, наше детство было интересным, — вспоминает моя собеседница. — Ведь у нас была железная дорога, там, где теперь находится стадион «Локомотив». Эта железная дорога — с паровозами, машинистами, кочегарами — представляла для нас особый интерес. Можно было прокатиться от ворот и до конца стадиона всего за 10 копеек. Это было наше любимое занятие. Было на стадионе и другое: футбол, велосипеды, гамак, парашютная вышка. А какие праздники устраивали!»

Мать нашей героини — Агафья Еремеевна — была хоть и неграмотной, но мудрой женщиной, умела заражать весельем всех вокруг. Чтобы паровозное депо, в котором работал машинистом её муж Сергей Степанович, было передовым, Агафья Еремеевна решила покрасить его паровоз. «Весь чёрный, золотистые ободки, красная звезда и портрет Сталина в голубой рамке — это я запомнила, — рассказывает Анна Сергеевна. — Мама всем показала, на каких паровозах должны ездить наши машинисты».

А когда проходили первые выборы депутатов, Агафья Еремеевна «одолжила» у соседей бубен, пока те были в огороде, и под гармонь местного

Вместо сцены — война

музыканта Мартынова стала петь. Собралось много народу.

Прекрасный голос мамы передался младшей дочери Анне. Девочка тоже любила петь. Особенно когда в гости приходил дядя Игнат Степанович. Если племянница пела хорошо — получала три рубля, если плохо — только один. Чаще всего Аня исполняла «На закате ходит парень», потому что «дядя Игнат просто умирал за этой песней».

Анна мечтала стать артисткой. Но её мечтам не суждено было осуществиться. Причиной тому стала война...

В 1941 году Анне было всего 12 лет. Сергей Степанович эвакуировал свой паровоз последним, был отправлен под Москву. Старшие дочери Ксения и Мария помогали в госпитале, позже они вместе с братом Анатолием ушли в партизаны. Младшую мама отвезла в Бобовичи. Анна Сергеевна хорошо помнит встречу с отступавшими солдатами. В пыльных гимнастёрках, в обмотках, уставшие, худые и измученные, бойцы попросили хлеба. Аня и её подруга Дина Табанькова, не раздумывая, отдали им все сухари. Когда всё рассказали Аниной маме и спросили, не будет ли та ругаться, Агафья Еремеевна обняла девочек, прижала и сказала: «Как я рада, что у вас такие добрые сердца!».

Мама Анны тогда осталась в Гомеле: помогала беженцам, которые эвакуировались из Жлобина, организовывала людей копать окопы. Аня вернулась в город. Началась оккупация. Агафья Еремеевна узнала, что из пересыльного лагеря военнопленных бойцов Красной Армии отпускают уроженцев Гомеля, если за ними приходят родственники. Мама с дочерью спасли одного бойца, сообщив, что он их сын и брат.

Потом был 42-й. Агафья Ере-

меевна и Аня стали помогать подпольщикам из группы Ивана Железнякова. Он, Миша Табаньков, Миша Мартынов, Костя Давидович часто собирались у них дома. Агафья Еремеевна доставала подпольщикам больничные листы, чтобы на предприятиях никто ничего не заподозрил о деятельности ребят.

«Саша Смирнов — якобы немецкий доброволец, на самом деле — подпольщик и партизан — устроил меня в комендатуру к немцам мыть полы, — рассказывает Анна Сергеевна. — Платили за это обычно кусочком хлеба, пару раз, может, марку дали. Внимательно, до единого слова, слушала всё, о чём говорили фашисты, и передавала своим». Как-то тринадцатилетняя девочка услышала разговор работавших на немцев добровольцев

Фото Татьяны ЛОЗКО, «ГВ».

об усиленном дежурстве: ожидалось с десятком эшелонов с боеприпасами, техникой и пленными. Эту ценную информацию она дословно пересказала Ивану Железнякову. Вечером этого же дня советские самолёты в очередной раз бомбили железнодорожный узел. На этот раз было, действительно, что-то страшное. Зато тогда удалось спасти многих пленных. Сбежавшие прятались и в доме, где жила Анна, и у многих соседей. Их разыскивали немцы, приходили в каждую семью с проверкой. Агафья Еремеевна откуда-то достала портрет Гитлера и повесила на стену. Поэтому когда пришел немец, сказал только «Хайль! Гут, матка» и ушел, ничего не проверяя.

Вскоре Ивана Железнякова расстреляли, арестовали многих других ребят. Анна с мамой покинули Гомель. Когда дошли до ближайшего селения — Галеевки, узнали, что немцы всех отправляют в Германию. Правда, там же они встретили гомельских ребят-подпольщиков и отправились вместе с ними в Никольск. «Там нас стали кормить пшенной — жёлтой такой, золотистой — кашей с молоком. Вечером узнали, что Ксения, Мария и её муж Георгий — в спецотряде Шибeko», — показывает мне справку когда-то юная подпольщица. Николай Шибeko, узнаю я из документа, — командир диверсионно-разведывательной группы НКВД СССР и организованного при ней партизанского отряда.

С отрядом этим и пошли дальше наши героини. Делали всякую работу: стирали бинты, собирали калину, мололи муку, поили лошадей, доили коров, которых отбили у немцев. Вечером собирались у костра, ели печеную картошку, Аня пела песни. Когда к отряду подобрался немец, перебрались к Днепру. Там и встретили войска Красной Армии...

В свои восемьдесят лет Анна Станкевич больше всего любит принимать гостей — это я поняла, пока была у неё дома. И по-прежнему любит петь. В завершение нашей беседы Анна Сергеевна тихо и застенчиво затянула:

Ой, Самара, качай воду,
Волга, матушка-река...

Татьяна ЛОЗКО, «ГВ».